

Михайленко А.А.¹, Одинак М.М.¹, Нечипоренко В.В.², Скулябин Д.И.¹

¹Кафедра и клиника нервных болезней им. М.И. Аствацатурова и

²кафедра и клиника психиатрии ФГБВОУ ВПО «Военно-медицинская академия им. С.М. Кирова»
Минобороны России, Санкт-Петербург, Россия

¹194044, Санкт-Петербург, Выборгский район, Лесной проспект, 2

²194044, Санкт-Петербург, ул. Акад. Лебедева, 6

Неврологические синдромы и психические расстройства у литературных персонажей романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы»

В романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» представлена целая галерея литературных персонажей, нервно-психическое здоровье которых нельзя признать безукоризненным. С разной степенью убедительности и достоверности у многих действующих лиц романа ретроспективно можно распознать разнообразные болезненные проявления: неврастении, врожденного слабоумия, эпилепсии, обсессивно-компульсивного и конверсионно-диссоциативного синдромов. С литературно-художественной точки зрения описание поведения и внешних проявлений недуга отличаются красочностью, содержательностью, удивительной клинической точностью и скрупулезностью.

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский; роман «Братья Карамазовы»; литературные персонажи; нервные и душевные болезни; ретроспективное распознавание.

Контакты: Дмитрий Игоревич Скулябин; dskulyabin@gmail.com

Для ссылки: Михайленко А.А., Одинак М.М., Нечипоренко В.В., Скулябин Д.И. Неврологические синдромы и психические расстройства у литературных персонажей романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы». *Неврология, нейропсихиатрия, психосоматика.* 2014;(2):97–104.

Neurological syndromes and mental disorders in the literary characters of the novel «Bratya Karamazovy» (The Brothers Karamazov) by F.M. Dostoevsky

Mikhailenko A.A.¹, Odinak M.M.¹, Nechiporenko V.V.², Skulyabin D.I.¹

¹Department of Nervous System Diseases and M.I. Astvatsaturov Clinic of Nervous System Diseases, S.M. Kirov Military Medical Academy, Ministry of Defense of Russia, Saint Petersburg, Russia; ²Department of Psychiatry and Clinic of Psychiatry, S.M. Kirov Military Medical Academy, Ministry of Defense of Russia, Saint Petersburg, Russia

¹2, Lesnoy Prospect, Vyborg District, Saint Petersburg 194044

²6, Acad. Lebedev St., Saint Petersburg 194044

The novel «Bratya Karamazovy» by F.M. Dostoevsky presents a whole series of literary characters whose neuropsychiatric health cannot be considered to be impeccable. Various clinical conditions, such as neurasthenia, mental retardation, epilepsy, obsessive-compulsive and conversion-and-dissociative syndromes, may be retrospectively recognized with varying degrees of credibility and validity in many characters of the novel. In terms of belletristic literature, the description of their behavior and external manifestations is notable for brilliance, richness of content, surprising clinical accuracy, and scrupulosity.

Key words: F.M. Dostoevsky; the novel «Bratya Karamazovy» (The Brothers Karamazov); literary characters; neurological and mental diseases; retrospective recognition.

Contact: Dmitry I. Skulyabin; dskulyabin@gmail.com

Reference: Mikhailenko A.A., Odinak M.M., Nechiporenko V.V., Skulyabin D.I. Neurological syndromes and mental disorders in the literary characters of the novel «Bratya Karamazovy» (The Brothers Karamazov) by F.M. Dostoevsky. *Neurology, Neuropsychiatry, Psychosomatics.* 2014;(2):97–104.

DOI: <http://dx.doi.org/10.14412/2074-2711-2014-2-97-104>

В литературоведческих работах современников Ф.М. Достоевского роман «Братья Карамазовы», который фактически является итогом творческого пути писателя, характеризовался многообразием как отрицательных, так и положительных идейно-эстетических оценок [1]. Что же касается оценок отдельных персонажей романа, то в аттестациях многих литературоведов они отличались завидным единообразием [1–6]. Были и откровенно врачебные умозаключения [7], которые сводились к тому, что многие персонажи романа «обременены тяжелой дегенерацией».

Главу семейства Федора Павловича Ф.М. Достоевский представлял как «странного типа», «человека не только дрянно-

го...но... и бестолкового», — «бестолковейшего сумасброда», «ничтожного мозгляка» [8]. Однако вряд ли следует оценивать Федора Павловича так однозначно. К примеру, Старец Зосима говорил о нем иначе: «Ума у Вас довольно...». Прокурор среди прочих характеристик обращал внимание на то, что Федор Павлович с «зародышем умственных способностей довольно... не слабых». Ф. Кафка был еще более высокого мнения о его интеллектуальных способностях: «...отец братьев Карамазовых отнюдь не дурак, он очень умный, почти равный по уму Ивану» [3].

В представленных оценках нет принципиальных противоречий, так как личности с подобными психопатическими

особенностями обычно умственно развиты хорошо, но часто плохо используют возможности интеллекта. При высоком уровне абстрактного мышления преобладание аффективного компонента приводит к снижению критики, недостаточности прогноза и регуляторной функции интеллекта, непродуманности действий и утрате контроля над поведением. Это позволило А.М. Дубинину и В.В. Гульдону писать о «парциальном» (относительном) слабоумии психопатов [9, 10].

Но наряду с тем, что Федор Павлович «отнюдь не дурак», ряд качеств делают этот персонаж достаточно омерзительным. Прежде всего это крайняя полая распущенность и жестокое сладострастие: «сладострастнейший человек... в один миг готовый прильнуть к какой угодно юбке, только бы та его приманила». А он и сам говорил: «...для меня... даже во всю мою жизнь не было безобразной женщины...». Поэтому небезосновательно предположение, что он мог изнасиловать умалишенную.

Развратный старик и «старый потаскун», как только от него сбежала первая жена, Аделаида Ивановна, «мигом завел в доме целый гарем» и «дом свой обратил в развратный вертеп». «Порочный любитель лишь грубой женской ласки», при второй жене он так организовал жизненный уклад, что в дом «съезжались дурные женщины и устраивались оргии». Прокурор дал ему такое определение: «несчастный, разнузданный и развратный старик».

Федор Павлович всю жизнь посвятил погоне за наслаждениями, добываясь их даже ценой потери человеческого облика. В молодости — «мелкий плут и льстивый шут», позже приниженность и заискивание исчезают, но остается «насмешливый и злой циник...». Постепенно сформировалась душа трусливая и дерзкая, бесформенная и болезненно злая. Он не будет признавать никакого общественного долга, никаких моральных обязательств перед близкими. Развратник и сребролюбец, у которого «отеческих и духовных каких-нибудь обязанностей никаких». Деньги Федор Павлович копил с одной целью: когда состарится и «поган» станет, женщины своей волею к нему не пойдут, и «вот тут-то денежки мне и понадобятся».

Любвеобильным попользованиям Федора Павловича сопутствовал хронический алкоголизм: «кутил, и пил, и дебоширил», в доме завел «самое забубенное пьянство». Старец Зосима советовал ему: «не предавайтесь пьянству» и «закройте Ваши питейные дома».

Еще одно яркое качество было присуще Федору Павловичу: он был, по определению Дмитрия Федоровича, «подлейший комедиант». Он не просто часто рядился в шутовские одежды, но даже этим как будто гордился: «Я шут коренной, с рождения, все равно... что юродивый...», «Вы видите пред собой шута, шута выскочку ... А что некстати иногда вру, так это даже с намерением расшепить и приятным быть».

Злой пакостник, он готов был находить поводы для шутовства и юродства даже в своем унижении. Когда его покинула первая жена, он разыгрывал смешную роль оскорбленного и обиженного супруга, был «рад явиться в подновленном виде шута». С годами сформировалась «наглая потребность» не только или не столько самому выступать в роли шута, сколько других «в шуты рядить».

Юродствуя и развлекая, он демонстрировал свои явные артистические способности. Федор Павлович «всю жизнь свою любил представляться, вдруг проиграть перед Вами какую-нибудь неожиданную роль...безо всякой иногда надобности, даже в прямой ущерб себе...». По мнению К. Леонгарда, он «всегда лишь играет некую роль» [11].

Оценка некоторых качеств Федора Павловича В.А. Муратовым как «резкий эгоизм» требует уточнения [7]. Стремление обратить на себя внимание любыми способами (свойственные Федору Павловичу театральность и лживость, готовность «представляться» даже, на первый взгляд, в ущерб себе, быть «комедиантом» и «юродивым») — это скорее эгоцентризм и желание

извлечь выгоду даже из унижительной ситуации или предосудительного и неблагоприятного поступка, что в клинике истерии нередкость. В рамках клинического паттерна истерии находится и способность Федора Павловича, с одной стороны, быть льстивым, приниженным и заискивающим шутком, ничтожным человеком, с другой — насмешливым, злым и очень умным циником. Сочетание у Федора Павловича бурного проявления чувств с отсутствием любых обязательств (отеческих, духовных, моральных) перед близкими — это свойственная истерии диссоциация между внешним эквивалентом чувств и их истинной глубиной.

К. Леонгард характеризовал отца семейства лаконично: «истеричен не только в своих реакциях, но и как личность в целом», «тяжелый истерический психопат»; «истерик, вытесняющий все то, что могло бы препятствовать осуществлению его эгоистических целей» [11].

В рамках критериев МКБ-10 у Федора Павловича могут быть распознаны тяжелая истерическая психопатия, запойное пьянство с явлениями деградации личности.

Разгульный образ жизни Федора Павловича явно негативно влиял на его жен. Первая жена просто сбежала с учителем-семинаристом: она не только оставила мужа, но и бросила на произвол судьбы трехлетнего сына Митю. У второй жены, Софьи Ивановны, после нескольких лет жизни в доме Федора Павловича «произошла нервная женская болезнь» — кликушество, протекавшая «со страшными истерическими припадками, больная временами даже теряла рассудок». Вот краткое описание одного из таких припадков: когда муж оскорбил ее религиозные чувства, она «вскочила, всплеснула руками, потом вдруг закрыла руками лицо, вся затряслась и пала на пол... так и опустилась». После шести лет такой замужней жизни она покончила с собой.

Таким образом, у отца семейства господствовали низменные инстинкты с недостатком этического начала, истерическое поведение и разгул похоти, одичание и моральная деградация, сочетавшиеся с обожанием денег, словесным невозддержанием, ложью самому себе, оскорблениями всех домашних и иными негативными и отталкивающими свойствами и качествами. Генеральный писатель Л.Н. Толстой по силе реалистического воплощения ставил в один ряд образы Федора Павловича Карамазова и Ивана Грозного на знаменитой картине И.Е. Репина «Иван Грозный и его сын Иван».

Уместно напомнить, что отец писателя Михаил Андреевич Достоевский, питомец Московской медико-хирургической академии и врач столичной бедноты, «отличался крайней скупостью и страдал тяжелой формой алкоголизма», был «человек чрезвычайно раздражительный, вспыльчивый и заносчивый» («вспышки гнева его были ужасны») и в конце концов удостоился трагического жизненного финала — был убит своими крепостными. Сообщается, что «когда весть о гибели отца дошла до его сына Федора, юношу постиг впервые тяжелый припадок с конвульсиями и потерей сознания...» [12].

Л. Гроссман так сопрягал образы отцов семейств Карамазовых и Достоевских: «создавая образ Федора Павловича, писатель в своем предсмертном романе ... развернул «некролог» своего отца в потрясающую эпопею греха, пороков и преступлений». Это соотносится с утверждением Ф.М. Достоевского о том, что есть дети, «с детства, оскорбленные неблагообразием отцов своих...» [13].

Юность и молодость разнузданного и буйного старшего сына, Дмитрия Федоровича, протекала беспорядочно: в гимназии недоучился, попал в военную школу, очутился на Кавказе, дрался на дуэли, был разжалован, выслужился, много кутил, за обольщение честных девиц щедро платил. В общем образовался молодой человек легкомысленный, буйный, со «зверским нравом», нетерпеливый, со страстями и кутила, «ума отрывистого и неправильного». По сравнению с братом Иваном был «почти вовсе необразованным». О его «чрезвычайно тревожной и кутиящей жизни», как и о «необычном

раздражении» в «ссорах со своим отцом из-за денег», знали многие. Сладострастник, «любил разврат, любил и срам разврата». На отца Митя был похож характером и особенно сексуальным поведением.

Митя сознавал, что низок желаниями («сам своей волей завяз в гнусном омуте»), но играл в благородство и бескорыстие, понимал, что подл, но гордился, что не бесчестен. Грушеньке раскрыл секрет Катерины Ивановны, которая, спасая честь отца, пришла в квартиру Мити предложить себя. При этом осознавал, что «несомненный подлец», но бесчестным свой низкий и подлый поступок почему-то не считал. Понимая, что подл, мучился этим, но оставался довольным собой: «Дмитрий Карамазов подлец, но не вор».

Митя считал себя «страдальцем благородства», а между тем «всю жизнь делал одни только пакости». Каждый день бил себя в грудь, обещая исправиться, и каждый день опять и опять творил пакости. Подчеркивалось наличие у Мити контраста между «неблагообразием» пьяных речей и высокими романтическими поступками: «Человек высоких взлетов души, он не в силах вырваться из омута опутавших его пороков» [13]. Многие его импульсивные и грубые поступки «диктуются не разумом, а настроениями, влечениями и даже капризами» [11].

Дмитрий Федорович — человек буйного и неукротимого нрава, чрезмерно ревнивый, иступленно мятущийся, унаследовавший от отца, к которому питал «личное омерзение», неспособность владеть своими чувствами, но не потерявший человеческого облика и остававшийся простодушным человеком. Прокурор отмечал в его поведении много картинности, романтического иступления, дикого безудержу и чувствительности. Иллюстрацией сказанного может служить следующее умозаключение Мити, касающееся Грушеньки: «Да неужели один час, одна минута ее любви не стоит всей остальной жизни, хотя бы и в муках позора?».

Приземленно аттестовал в газете Митю его земляк: «нахально пошиба» лентяй, занимающийся то и дело амурами. Исправник искренне сожалел: «С хорошею... душой был человек, а вот пропал...от пьянства и беспорядка».

В «поминутных и иступленных» мечтах Мити нетрудно усмотреть явную и убогую маниловщину, ярко характеризующую его личность. Мечтал о том, что как только Грушенька станет его женой, тотчас начнется «совсем новая жизнь», «начнется совсем новая, Грушенька» и «совсем новый Дмитрий Федорович, безо всяких уже пороков, а лишь с одними добродетелями...». В своих начинаниях и решениях «доходил до восторга», каждой своей новой мысли «отдавался до страсти». «В припадке какого-то истерического восторга» Грушенькой испытывал чувство нежное «до моления, до исчезновения пред ней». Жаждал воскресения и обновления для «добродетельной» жизни. Когда ехал в Мокрое, был «как бы в совершенной истерике». После разговора с госпожой Хохляковой «вдруг залился слезами, как малый ребенок». Одну из самокритичных оценок Митя сформулировал так: «Порядку во мне нет... Вся жизнь моя была беспорядок».

Дмитрий Федорович повторял своего отца: был разнузданным, безудержным, легкомысленным, «со страстями», буйного и неукротимого нрава, с жизнью беспорядочной. Личностная парадигма сопрягалась с двойственностью в мыслях, желаниях, поступках: низок желаниями, но бескорыстен; подл, но «страдалец благородства», всю жизнь делал пакости, но не вор, испытывал потребность в нравственной грязи, но рачительно культивировал представления о своей честной натуре. Что касается его фантазерства и элементов детскости в поведении, картинности (театральности) и припадков восторга, повышенной эмоциональности и романтического иступления, то все это достаточно заурядные (ординарные) атрибуты истерического характера.

Глубокий и содержательный анализ образа Дмитрия Федоровича был представлен в одной из газетных рецензий: «...соединение необузданной чувственности и честной натуры, по-

требности в нравственной грязи и потребности в анализе собственной души, задорной неуживчивости и нежной, любящей натуры, мнительного самолюбия и совершенно искреннего самобичевания — характер новый в русской литературе» [1].

Один из товарищей Ф.М. Достоевского по Омскому острогу, отставной подпоручик Ильинский, ошибочно осужденный за отцеубийство и приговоренный к двадцати годам каторжных работ, «возвещает личность и судьбу Дмитрия Карамазова». У Дмитрия также есть черты поэта и критика Аполлона Григорьева, которые нравились Ф.М. Достоевскому — характер широкий,вольный, разгульный, вдохновенный [13]. Тем неожиданнее творческая фантазия автора: Дмитрий, «чувственный и разгульный, невоздержанный», всегда готовый на «кутеж и погром», «человек порыва и восторга», в период катастрофы «проникается чувством скорби за нищету и страдания крестьянского мира» и «стремится стать... печальником их общего горя».

Анализ личности персонажа позволяет с известным основанием предполагать, что в стремительном изменении поведенческой парадигмы присутствовали элементы «игры», а «проникновение» носило формальный характер и осуществлялось главным образом на вербальном уровне.

Без врачебной оценки характеристика образа была бы неполной. В.А. Муратов у старшего сына Федора Карамазова усматривал «прирожденное слабоумие в легкой степени», «тяжелые аномалии чувствующей сферы», «аномалии любовных влечений» с жестоким сладострастием [7].

Еще более определенной была аттестация К. Леонгарда: «Дмитрий Карамазов, запальчивый, необузданный, отчаянный человек, раб минутных настроений ... Это возбудимая личность, доходящая до ступени «эпилептоидной психопатии» [11].

В современных классификациях психопатии «эпилептоидная психопатия» отсутствует. В МКБ-10 выделяют смешанный тип (при сочетании нескольких личностных радикалов). Скорее всего, у Дмитрия Федоровича следует распознавать сочетание возбудимого и истерического радикалов с бурными аффективными вспышками.

Средний сын, Иван Федорович, чуть не в младенчестве стал обнаруживать «необыкновенные и блестящие способности к учению», но рос угрюмым и «закрывшимся сам в себе отроком». Окончил Московскую гимназию и Московский университет («естественником»). Вырос осторожным, но не робким, гордым и молчаливым человеком («брат Иван сфинкс»), который, по замечанию отца, «никого не любит». Склонен к резонерству и разглагольствованию: живет «вопреки логике»; считает (в 23 года!) достаточным дожить до 30 лет, а там — «кубок об пол»; утверждает, что в каждом человеке живет зверь (зверь «гневлиности» или «сладострастной распалюемости», «нажитый в разврате болезней» и т. д.); не желает своей жизнью «унавозить кому-то будущую гармонию». Он склонен к философским и религиозным размышлениям, высказыванию собственных оригинальных идей, радикально отличающихся от распространенных и общепринятых [11]. Прокурор характеризовал Ивана как одного «из современных людей с блестящим образованием, с умом довольно сильным, уже не во что не верующим». К старшему брату он относился с «большим презрением, доходившем до гадливости», а об отношениях отца и брата заявлял, что если один гад съест другую гадину, обоим туда и дорога [14]. Вряд ли такую позицию можно интерпретировать как просто бессердечность. Нельзя признать приметой выдающегося ума пропагандируемую им теорию «все дозволено»: «Все... позволено, что ни есть в мире и ничего впрямь не должно быть запрещено...». Поэтому-то Смердяков и убил своего благодетеля и возможного отца.

Высказывается предположение, что тема отцеубийства, воплощенная в трагедии Ивана Карамазова, возможно, предвосхищалась событиями 40-летней давности: автор обучался в стенах Михайловского замка, где все еще свидетельствовало о

событиях недавнего прошлого — убийстве Императора Павла I с согласия сына Александра [13].

В поведении Ивана прослеживаются вполне определенные обсессивно-компульсивные черты ананкастного расстройства личности. Каждый раз он вступал на неведомый путь «много надеясь, но, не зная на что, многого, слишком многого, ожидая от жизни, но ничего не умея сам определить, ни в ожиданиях, ни даже в желаниях своих». Это сродни беспомощности в повседневной жизни с элементами «умственной жвачки».

Кроме того, на него часто нападала «тоска нестерпимая». В современной психиатрии тоска трактуется в рамках психопатологического феномена [15]. Возможно, в этом кроется одна из причин трагического финала: эмоционально крайне напряженные события способствовали тому, что «бунт разума кончается безумием».

А. Камю о принципе «все дозволено» писал: «Иван представляет собой образ побежденного бунтаря» [3]. Представляет умственным напомнить об одной глубоко символической сентенции Ф.М. Достоевского: «...все эти наши господа таланты средней руки, принимаемые, по обыкновению, при жизни, чуть не за гениев, — не только исчезают чуть не бесследно и как-то вдруг из памяти людей, когда умирают, но случается, что даже и при жизни их...» [16].

Иван — атеист и бездушный человек, обладавший холодным умом с эмоциональным оскудением («никого не любит») и элементами повышенной рассудочности и рассуждательства, ослаблением кровных уз (родственные чувства считал предрасудком), вольнодумец и скептик, сочетавший в своей философии рационализм с эгоизмом и индивидуализмом. Все это привело его к жизненному и духовному краху: «блестящий ум... вовлечен в грязь и кровь отвратительного преступления и низвергается... в безумие и смерть. Трагический разлад гениального сознания, расколотого преступным замыслом, приводит к гибели героя... Это искупление за непоправимую ошибку. Он соблазнил своего младшего брата Смердякова анархическим лозунгом «все дозволено» [13].

После заявления Ивана на суде о том, что старика убил Смердяков, а «я его научил убить», его «выносят из зала в припадке буйного помешательства». В.А. Муратов в этом «припадке» распознал «острый бредовый психоз».

В отечественной психиатрии выделялась психастеническая форма психопатии. В МКБ-10 она представлена в двух типах расстройства личности — ананкастного (обсессивно-компульсивного) и тревожного (избегающего). В первом случае преобладают проявления «умственной жвачки», пациенты терзают (изводят, «мордуют», «грызут») окружающих. Во втором случае доминируют проявления тревожно-мнительного характера, пациенты мучают («казнят», истязают, митарят) себя.

У Ивана Федоровича больше оснований говорить об ананкастном (обсессивно-компульсивном) расстройстве личности.

Нельзя признать лестными эпитеты, которыми Ф.М. Достоевский уже на первых страницах романа наградил младшего сына, Алексея Федоровича: «деятель неопределенный, невыяснившийся», «человек странный, даже чудак», из юношей, «вроде как бы юродивых» [14]. Приятель полагал его юродивым по матери. Следует напомнить, что на Руси всегда любили юродивых: «не принимает род людской пророков своих и избивает их, но любят люди мучеников своих и чтят тех, кого замучили», «любит человек падение праведного и позор его».

В детские и юношеские годы Алеша отличался малой экспансивностью и разговорчивостью, но не был «простячком» или «наивным человеком». В школе был «именно из таких детей, которые возбуждают к себе недоверие товарищей... насмешки... и ненависть». Гимназический курс ему не удалось окончить.

Главным образом юношу отличали незлобность, мягкость, приветливость; позже появились жажда подвига и готов-

ность всем жертвовать для подвига. В этом желании можно увидеть элементы стремления не быть «как все», желание выделиться и привлечь внимание. К индивидуальным особенностям в сфере направленности интересов и склонностей у Алеши К. Леонгард относил его готовность всегда всех прощать и каждого полюбить. Ему было «неведомо чувство вражды и тем более ненависти» [11]. В его лице Ф.М. Достоевский «создал нечто вроде фигуры Христа». Алеша — воплощенная «нравственная чистота», «ангел» [13].

На фоне недетской задумчивости, серьезности, поразительной стыдливости формировалась личность с иступленным целомудрием и непререваемым желанием уйти в монастырь. Он не был фанатиком, мистиком или избыточно простодушным человеком, но беспрекословно верил «в вылетающий из церкви гроб», святость старца Зосимы, уповал на чудеса, немедленно ожидаемые «от праха обожяемого им бывшего руководителя его», что может объясняться частичной интеллектуальной незрелостью.

Алексей видел все, что происходило в его семье, но «ничего не осуждал», «без малейшего вида презрения и осуждения кому бы то ни было» относился ко всему, что происходило «в вертепе грязного разврата». Ракитин остроумно и тонко подметил, что Алеша «всегда между двух стульев садится».

Наряду с отдельными своеобразными чертами характера у Алеши отмечался конверсионный синдром, который проявлялся в том числе и типичными судорожными припадками: «...вдруг вскочил из-за стола, точь-в-точь как мать его, всплеснул руками, потом закрыл ими лицо, упал, как подкошенный, на стул и так затрясся вдруг весь от истерического припадка внезапных, сотрясающих и неслышных слез». Известное возращение вызывает определение «упал, как подкошенный». Так падают, с нанесением себе телесных повреждений, при эпилептическом припадке. Следует согласиться с В.А. Муратовым, что Алексей не поражает избыточным интеллектуальным развитием, ему свойственны мистическая религиозность, недостаточная глубина чувств и другие очевидные болезненные проявления тревожного (избегающего) расстройства личности [7].

Характеристику ряда персонажей нельзя признать всесторонней. Дело в том, что «обширная эпопея... «Братья Карамазовы» была задумана Достоевским в двух романах» и по авторскому замыслу — «главный роман — второй» (!). Во втором романе предполагались радикальные и неожиданные трансформации сюжета и персонажей. В частности, «созерцательный инок становится активнейшим политическим деятелем». Автор хотел Алешу провести через монастырь и сделать революционером. Он совершил бы политическое преступление. Его бы казнили. Алеша должен был стать «жертвенным образом революционера-мученика», участником покушения на Александра II (созвучие фамилий «Карамазов» и «Каракозов» преднамеренное). Преждевременная смерть писателя не позволила ему реализовать грандиозные планы [13].

Старый купчишка, развратный мужик и городской голова Самсонов привез из губернского города «восемнадцатилетнюю девочку, робкую, застенчивую, тоненькую, худенькую, задумчивую и грустную» с детским и простодушным выражением в лице и сделал ее содержанкой.

Ходили слухи, что в 17 лет Грушенька, имевшая «своевольное, но гордое-прегордое сердечко», была обманута и брошена каким-то офицером. Через четыре года она стала «полноцелой русской красавицей», гордой и наглой, женщиной с характером смелым и решительным, скупой и осторожной приобретательницей, правдами и неправдами сколотившей собственный капитал. Вследствие раннего разочарования, раннего обмана и падения, измены жениха-обольстителя и проживания с покровительствующим богатым стариком в сердце Грушеньки «затаялся гнев», сформировался характер расчетливый и предначиненный «для злобной игры», «образовалась насмешли-

вость и мстительность обществу». В ней удивительным образом уживались жестокость и неожиданная доброта и прощение, лукавство и порывы самоотвержения, разгульный образ жизни и «простота и веселость сердца». Грушенька откровенно признавалась в том, что она «низкая», «неистовая», «скверная», «яростная». «Истерически кричала» и заявляла, что может физически себя изувечить («обожгу себе лицо и разрежу ножом»). Свои отношения с поляком-обольстителем определила вопросительно: «любила его все пять лет... али только злобу мою?». Злобы у нее доставало. Митю она любила «часочек», а «мучила его, в то же время, ... действительно жестоко и беспощадно».

Эмоциональная лабильность и перепады настроения у нее были удивительными. Минувшим днем Алеша «страшно был потрясен ее злобною и коварною выходкой против Катерины Ивановны». А на следующий день он увидел «совсем... иное и неожиданное существо»: не было манерности и слащавости, «дурной привычки, дурного тона» (растягивать слова), все было простодушно, доверчиво. И вдруг «... простодушные сменялось» тем, что она, смеясь, прыгнула Алеше на колени, как «ласкающаяся кошечка». Чистосердечно признавалась Мите: «Я ведь со злобы всех Вас измучила...». А далее следовало примечательное признание и просьба: «Раба твоя теперь буду... сладко быть рабой! ... Целуй! Прибей меня, мучай меня, сделай, что надо со мной...».

Высказанное желание определенно сопрягается с проявлениями элементов мазохизма, болевого сладострастия, импульсивной эротомании у пациентки с истерическим неврозом.

Напомним близкие по содержанию строки К.Д. Бальмонта:

*«Возьми меня скорей, мой нектар пей,
Ласкай меня, люби меня, убей!»*

При обобщении результатов анализа этого персонажа В.А. Муратов был предельно аккуратен и немногословен: «при известной нравственной распушенности» Грушенька «имеет некоторые черты истерического характера» [7]. Последняя формулировка нам представляется излишне деликатной. По современным представлениям, у Грушеньки есть все основания распознать достаточно типичный истерический невроз.

На страницах романа представлена целая галерея персонажей с невротическими (истерическими) расстройствами, выраженными в разной степени: Алексей Федорович, Лиза Хохлякова, Грушенька, Смердяков, Анна Федоровна Красоткина, Софья Ивановна. Один из наиболее ярких образов в этом ряду — фигура Катерины Ивановны, дворянки, полковничьей дочери, богатой и красивой женщины, добродетельной особы с характером, умом и образованием. Этой личности были свойственны «властность, гордая развязность, самоуверенность надменной девушки». Дмитрий Федорович в определении предполагавшейся невесты был безжалостен: «Кошка! Жестокое сердце... великого гнева женщина!». В ее поведении прослеживалась удивительная амплитуда эмоционально-поведенческих реакций, мало свойственных здоровой личности: «в один миг произошла в ней удивительная перемена... вместо плакавшей сейчас в каком-то надрыве своего чувства бедной оскорбленной девушки вдруг явилась женщина, совершенно владеющая собой и даже чем-то чрезвычайно довольная...» [8]. Она была «способна на восторг, быстро переходящий в отчаяние» [11].

В следующем эпизоде она ласково и «сердечно» уверяла Алешу, что полностью ему доверяет, но, когда он высказал мнение, не совпадавшее с ее точкой зрения, без должной доброжелательности, удостоился аттестации «маленького юридового». В другой ситуации с одним и тем же человеком с интервалом в несколько десятков минут она — то «слишком много восторга», то «наглая», «мерзавка», «продажная тварь». После подобных сцен обычно возникали «припадки»: рыдания, «спазмы душили ее», а все (!) «около нее суетились»; «... они плачут ... истерика, бьются»; «истерика ... кончилась обмороком», затем «ужасная,

страшная слабость ... легла, завела глаза и стала бредить»; хотела повиниться Алеше за свое «предательство» на суде «с слезами, с взвизгами, с истерикой, с битьем об пол»; «восклицала истерически», глаза сверкали зловещим огнем, в голове звучала «повелительная нотка» [14]. Что касается «стала бредить», это, вероятно, литературный прием. Также обращает на себя внимание то обстоятельство, что припадки у Катерины Ивановны всегда протекали в присутствии зрителей.

Отношение к предполагаемому жениху также не отличалось единой тональностью. Признавая у себя «ужасный, несчастный характер», обещала «вечно любить» Митю, в том числе за то, что он «сердцем великодушен», она фактически одновременно отзывалась о нем с чувством ненависти и гадливого презрения. Будучи Митей «обижена, оскорблена, унижена в своих чувствах», утверждала, что хочет «его спасти», готова обратиться «лишь в средство для его счастья...», и когда «он несчастный придет к ней, то встретит друга, сестру» [8, 14, 17].

Ивану Федоровичу, любившему Катерину Ивановну, не откажешь в тонкой наблюдательности. Любимой женщине он объяснял, почему она любит оскорбляющего ее Митю: «Вам он нужен, чтобы созерцать беспрерывно ваш подвиг верности и упрекать его в неверности». «Ваша жизнь будет проходить теперь в страдальческом созерцании собственных чувств, собственного подвига и собственного горя...». Достаточно типичные переживания у экзальтированной особы.

К. Леонгард усматривал известное сходство экзальтированного темперамента с «психозом счастья»: «такие больные, впадая в экстатическое состояние, чувствуют себя призванными к тому, чтобы принести счастье и освобождение другим людям» [11]. Пытаясь спасти Ивана, она решила пожертвовать Дмитрием: после «выступления обезумевшей женщины» в суде, ее «выносят в истерике» [13].

Алеша догадался: «такому характеру, как Катерина Ивановна, надо было властвовать, а властвовать она могла бы лишь над таким, как Дмитрий, и отнюдь не над таким, как Иван». Из гордости, однажды оскорбленная Митею, она привязалась к нему «любовью истерической и надорванной, из уязвленной гордости, и эта любовь походила не на любовь, а на мщение». Но одновременно не отпускала и любившего ее Ивана [9]. Иван Федорович распознал прихотливую и жестокую игру любимой женщины: «Она держала меня при себе для беспрерывного мщения. Она мстила мне и на мне за все оскорбления...» [8]. К точной характеристике Катерины Ивановны, данной В.А. Муратовым: «страдает истерией и ясно выраженными изменениями характера» — склонность к самовнушению, преобладание чувств над интеллектом, сильная душевная неуравновешенность (аффективность) [7], можно добавить определенную склонность к фантазиям и театральным сценам, очевидные проявления эгоцентризма. Диагностика истерического невроза и сегодня не вызывает возражений.

Удивительная семейка, мать и дочь Хохляковы, представлена на страницах романа. Госпожа Хохлякова — «вовсе не старая еще вдовица» 33 лет, «добрая, но бесхарактерная женщина». Пустая мечтательница и фантазерка, она к тому же страдала излишним любопытством. В проявлении своих чувств и их оценке была избыточна: «была в припадке самобичевания»; утверждала, что «одарена свойством» предчувствия, что два раза в жизни «сходила с ума». Вспоминая сцену разговора с Митей, положительно настаивала, что «близко была от смерти». Прогнозирив: «Ах, это ужасно, ужасно», — через мгновение заснула крепким сном ребенка. Эпизод изгнания из дома Ракитина преподносила как хорошую и «натуральную сцену», для убедительности расплакалась. Соглашаясь с В.А. Муратовым, что госпожа Хохлякова не демонстрирует мощного интеллектуального потенциала («представляет легкую форму природного слабоумия») [7], нельзя не обратить внимания на аттестацию К. Леонгарда: Катерину Осиповну он определял как «типично ги-

пертимическую и даже... гипоманиакальную личность» — веселую, живую, энергичную, деловитую, чрезвычайно многословную, со скачкообразными отклонениями в мыслях и речи [11].

Госпожа Хохлякова, несомненно, обнаруживает признаки истерического невроза, и ей свойственны быстрые смены настроения.

Значительно более ярким является образ Лизы Хохляковой: «страдает тяжелой формой истерического психоневроза...». В течение полугода у нее был «паралич ног» и ее возили в кресле. После косвенных психотерапевтических воздействий и внушения стала ходить [7]. Следовательно, истерический генез «паралича ног» не вызывает сомнения.

Довольно часто у Лизы возникали «истерички» с криками и визгами. В ее поведении и высказываниях прослеживались некие садистские наклонности. Поместила в дверной проем палец, с силой захлопнула дверь и стала наблюдать за почерневшим пальцем и истечением из-под ногтя крови. Высказывала желание сжечь дом, убить кого-нибудь; наблюдать, как висит и стонет распятый на стене маленький мальчик, и одновременно пить ананасовый компот.

Высказывала желание, чтобы кто-нибудь на ней женился, истерзал, обманул и уехал. Это уже похоже на мазохизм. Признавалась, что не хочет быть счастливой, предпочитает не жить, а мечтать, не хочет делать добро, а хочет творить зло: «...думаю наделать ужасно много зла и всего скверного ... и вдруг все узнают. Все меня обступят, и будут показывать на меня пальцем, а я буду на всех смотреть. Это очень приятно» [14]. Очевидно, что такие желания сродни стремлению «быть покойницей на всех похоронах». Некоторые приведенные особенности личности В.А. Муратов определял как «аномалии половых влечений в форме жестокого сладострастия» [7]. В целом у Лизы очевидные проявления истерического невроза со склонностью к фантазированию.

Ф.М. Достоевский многих своих персонажей — Мышкина («Идиот»), Мурина («Хозяйка»), Нелли («Униженные и оскорбленные») — наделил эпилептическими припадками. Среди них и слуга Смердяков. 24-летний Павел Федорович Смердяков — одна из самых омерзительных фигур в ряду литературных образов, созданных жестоким талантом Ф.М. Достоевского [4]. Давая оценку этому литературному персонажу, ни на минуту не следует забывать, что это был глубоко больной человек, многие особенности личности которого были следствием не только и не столько влияния окружающей среды, сколько тяжелого недуга — эпилепсии. В 12 лет «у него объявилась падучая болезнь в первый раз, не покидавшая его потом всю жизнь... Средним числом припадки приходили по разу в месяц...».

Рожден Смердяков от юродивой «с вполне идиотским лицом», биологическим отцом, возможно, был Федор Павлович. Рос мальчик страшно нелюдимым и молчаливым, диким и «безо всякой благодарности» к тем, кто его воспитал и вырастил, «со временем стал надменен и как будто всех презирал», отличался злопамятностью, злобностью и жестокостью.

Однажды слуга Григорий, уязвленный отсутствием элементарной признательности и благодарности приемным родителям-воспитателям, сказал ему: «Ты разве человек... ты не человек, ты из банной мокроты завелся...». Смердяков никогда не мог простить приемному отцу этих слов.

Смердяков еще в детстве проявлял жестокие наклонности: «очень любил вешать кошек и потом хоронить их с церемонией». Будучи взрослым, он научит школьников подлой шутке: скормить дворовой собаке кусок хлеба с булавкой внутри, который она с «голодухи» проглотит, не жуя, и наблюдать, как она будет мучиться и околевать. Такое поведение определенно укладывается в некогда широко известную крылатую дефиницию Sammt'a: «бедные эпилептики с молитвенником в кармане, с именем божьим на устах и с дьяволом в сердце». Можно иначе: с улыбкой на лице и камнем за пазухой.

Необразованный и недалекий, но чрезмерно самоуверенный человек, приобрел потребность к разглагольствованию и рассуждательству: «валаамовой ослицей оказался лакей Смердяков» [14, 18].

Первоначально нелюдимый и молчаливый мальчик и юноша вдруг заговорил и даже был готов обсуждать вопросы вселенского масштаба: был уверен, что стихи (поэзия) — «это существенный вздор-с»; весьма сожалел, что Наполеону не суждено было победить Россию: «умная нация покорила бы всю глупую и присоединила к себе».

Но дело не только в том, что нелюдимый и молчаливый вдруг заговорил. Валаамова ослица упиралась, не хотела идти вперед и заговорила человеческим голосом не по своей злой и своенравной воле, а по Божьей воле [18]. В рамках этого мифа становится понятнее фраза Смердякова, убившего старика, сказанная позже в разговоре с Иваном Федоровичем: «...Вы главный убивец и есть, а я только Вашим приспешником был, слугою...» [14]. Иначе говоря, был лишь орудием убийства в руках сына, жаждавшего смерти отца, лишь выполнял волю сына, вдохновителя злодейства.

Окружающие не скупилась на отзывы о Смердякове: «страшный мерзавец», «человек нижней природы и трус», исключительно недоверчив, «труслив как курица», «лакей и хам» с умом, который способен «созерцать». Убийственную характеристику давал адвокат: «существо это решительно злобное, непомерно честолюбивое, мстительное и знойно завистливое... он ненавидел происхождение свое... никого не любил, кроме себя, уважал же себя до странности высоко. Просвещение видел в хорошем платье, в чистых манишках и в вычищенных сапогах» [14].

Нравственный урод, низкий и опустошенный, имел свою лакейскую логику и диалектику, циничную и гибкую, оправдывающую любую подлость и мерзость. Если добавить сюда его внешний вид («с зачесанными гребешком височками и со взбитым маленьким хохлом»), то предстанет яркая личность во всем многообразии проявлений эпилептических изменений: услужливость, раболепная покорность, елейная мягкость внешне, искусственная сердечность и искренность, злобность, педантичность, вязкость мышления, снижение интеллекта, «слова благочестия на устах и избыток подлости в душе» и прочие характеристики, свойственные пациентам с падучей болезнью.

Нельзя не обратить внимание на то, что Смердякову одновременно были свойственны жеманство и манерничанье и «отвратительная фамильярность», «необъятное и оскорбленное самолюбие», которое вместе с любовью и исключительным уважением к собственной персоне несколько сродни эгоцентризму, умение притворно «лежать в падучей» («крик эпилептика», корчи и судороги, пена у рта, но никаких (!) повреждений при падении в погреб — «сберег Господь»). Следовательно, у Смердякова, страдавшего эпилептическими припадками, внятно прослеживаются изменения личности по эпилептическому типу, а также отдельные черты демонстративной (истерической) личности.

Таким образом, в романе «Братья Карамазовы» гениальный писатель представил череду поразительно ярких, объемно-выразительных, правдиво-достоверных, клинически узнаваемых, порою неприятных и одиозных в многообразии болезненных проявлений литературных персонажей. Последние своим своеобразием и оригинальностью, наглядностью и красноречивостью, достоверностью и убедительностью обязаны как удивительной наблюдательности блестящего романиста, так и своеобразием его творческой фантазии и художественного почерка. Ф.М. Достоевский при изображении болезненного состояния не игнорировал и сведения медицинской науки. Поэтом врач А.Ф. Благодеров о галлюцинациях у И.Ф. Карамазова отзывался так: «естественно» и «поразительно верно», «натурально», «художественно» [2]. Л.П. Гроссман приводит воспо-

минания доктора С.Д. Яновского, у которого писатель лечился по поводу эпилепсии. Ф.М. Достоевский не только много беседовал с ним о нервных болезнях: «...Федор Михайлович часто брал у меня книги медицинские, особенно... о болезнях мозга и нервной системы, о болезнях душевных и развитии черепа, по старой, но в то время бывшей в ходу, системе Галля» [13].

Распознавание неврологической и психиатрической патологии у персонажей Ф.М. Достоевского по разным причинам часто сопряжено со значительными трудностями. С одной стороны, при описании значимых событий, подробностей быта, церковных обрядов, судебных заседаний, изображения болезненных состояний писатель учитывал мнение врачей, пользовался указаниями юристов А.Ф. Кони и А.А. Штакеншнейдера, представителей духовенства, справлялся с медицинской и психиатрической литературой. Но, с другой стороны, при создании каждого из своих персонажей Ф.М. Достоевский использовал не один, а множество прототипов, черты которых служили ему отправной точкой для дальнейшей причудливой творческой фантазии, нередко трудно предсказуемой. Кроме того, в последний период, к которому относится и создание романа «Братья Карамазовы», Ф.М. Достоевский «особенно любил противоречия» и даже «странности» в своих построениях, считая, что не все должно быть с первого взгляда общедоступным и удобопонятным и что автор имеет право недоговаривать и интриговать. «Пусть потрудятся сами читатели», — пишет он...» [13]. В связи с этим возникали дополнительные сложности при ретроспективном анализе характеров, персонажей и их типологии, запечатленной клинической патологии.

Вот почему значительные трудности могут представлять попытки сближения характера поведения, психологического облика литературных героев с современными представлениями о тех или иных нервных или душевных свойствах и качествах личности, особенностях неврологического и (или) психиатрического статуса.

К. Леонгарду принадлежит дискуссионное утверждение о том, что персонажи Достоевского не патологические, а нормальные, хотя и акцентированные: «поведение всех его героев есть поведение людей совершенно нормальных». По его мнению, «ананкастические, паранойяльные и истерические черты могут быть присущи, в какой-то мере, собственно, любому человеку, но проявления их так ничтожны, что они ускользают от наблюдения. При большей выраженности они накладывают отпечаток на личность как таковую и, наконец, могут приобретать патологический характер, разрушая структуру личности» [11].

Однако перечень акцентированных, по Леонгарду, личностей и диагнозов, которые он поставил персонажам романа «Братья Карамазовы», в известной степени напоминает оглавление из учебника по психиатрии: личности демонстративные (Федор Павлович, Смердяков, кликуши), возбудимые (Дмитрий Федорович), гипертимические (Катерина Осиповна, Хохлякова), экзальтированные (Катерина Ивановна), экзальтированно-демонстративные (штабс-капитан Снегирев), интравертированные (Иван Павлович). Он утверждал, что Иван Павлович «весьма близок к душевному заболеванию», а под конец становится «на самом деле психически больным» или дело ограничивается лишь «нервной горячкой». На страницах монографии фигурируют такие диагнозы, как «...тяжелый истерический психопат», «эпилептоидная психопатия», «эпилепсия» и др.

Правомерно ли пациентов с такими выраженными особенностями личности и поведения и такими диагнозами, способных на обман, предательство, подлые и низкие поступки, изнасилование умалишенной и убийство, полагать людьми совершенно здоровыми, у которых структура личности не подвергается разрушению?

Возможно, что причиной разночтений является то обстоятельство, что К. Леонгард главным образом рассматривал личности акцентированные (с усилением одной или нескольких

черт характера) как вариант нормы [11]. Ф.М. Достоевский же воссоздал и живописал выраженную патологию личности, которая сопутствовала всем или многим этапам онтогенеза, могла носить врожденный (конституциональный) характер, быть компенсированной или декомпенсированной. Поэтому П.Б. Ганнушкин настаивал: «не важно, какие черты личности имеются у индивида, а важно какие черты проявляются вовне» [12].

К. Леонгард утверждал, что, наделив многих своих персонажей эпилептическими припадками, Ф.М. Достоевский «не наделил их чертами эпилептических или эпилептоидных личностей» [11]. Трудно согласиться, что Смердяков, в частности, начисто лишен таких черт.

Чем может объясняться пристальное внимание и неподдельный интерес изрядного числа отечественных и зарубежных писателей к личностям с теми или иными особенностями нервно-психической деятельности, в разной степени интеллектуально и морально-этически деформированным, может быть, деградирующим?

Чем объяснить, что «любимые герои» у Ф.М. Достоевского те, которые, по утверждению Н.К. Михайловского, держатся «на грани ума и безумья»? Во-первых, это может объясняться особенностями личности. Ф.М. Достоевский признавался: «Везде-то и во всем я до последнего предела дохожу, всю жизнь за черту переходил». Во-вторых, он полагал, что основная мысль искусства XIX столетия — «восстановление погибшего человека, оправдание униженных и всеми отринутых парий общества». В его понимании прекрасный человек — это защитник больных, униженных, оскорбленных, покровитель «падших». «Отзывчивость» Ф.М. Достоевский считал «главнейшей способностью нашей национальности...». В-третьих, важнейшими темами у Ф.М. Достоевского были «право сильной личности переступить через кровь во имя всеобщего блага, возможность строить счастье масс на страдании замученного ребенка...», что уже «...на грани ума и безумья» [13].

Нельзя исключить, что все необычное и выходящее за рамки повседневно-будничных событий, порочное и запретное подчас вызывает непреодолимый и даже болезненный интерес, представляется более ярким и красочным, воспринимается как оригинальность, смелость, неординарность.

Пристальное внимание Ф.М. Достоевского, в частности к полиморфным клиническим проявлениям диссоциативно-конверсионного расстройства и психопатий, может находить объяснение в том, что любой человек при достаточной силе переживаний способен на истерическую реакцию [19]. А «достаточной силы переживаний» у литературных героев Достоевского было избыточно.

Одним из объяснений повышенного интереса Ф.М. Достоевского к проблеме душевного здоровья может быть его заболевание и сравнительно более глубокое знание этой проблемы.

Возможно, что неизъяснимая притягательность художественных образов у Ф.М. Достоевского кроется еще и в том, что автор через своих персонажей пытался постичь и познать «тайну бытия человеческого», которая «не в том, чтобы только жить, а в том, для чего жить».

Ретроспективное изучение неврологического и психического «здоровья» литературных персонажей многих произведений известных отечественных и зарубежных авторов позволяет лучше узнать историю становления клинической медицины и врачебного искусства, по достоинству оценить исключительную клиническую наблюдательность врачей и писателей прежних эпох. Несомненно, такой анализ всегда носит характер предположительной диагностики и может служить предметом научной дискуссии. Тем более что расстройства личности, по мнению многих психиатров, являются наименее изученной и спорной проблемой пограничной психиатрии и в настоящее время.

1. Батюто АИ. Послесловие. В кн.: Ф.М. Достоевский. Братья Карамазовы. Собрание сочинений в 15 томах. Т. 9. Ленинград: Наука; Ленинградское отделение; 1991. С. 618–27. [Batyuto AI. Epilogue. In: Dostoevskii FM. *Brat'ya Karamazovy* [Brothers Karamazov]. Collected works in 15 vol. Leningrad: Nauka; Leningradskoe otdelenie; 1991. Vol. 9. P. 618–27.]
2. Ветловский ВЕ. Послесловие. В кн.: Ф.М. Достоевский. Братья Карамазовы. Собрание сочинений в 15 томах. Т. 9. Ленинград: Наука; Ленинградское отделение; 1991. С. 607–18. [Vetlovskii VE. Epilogue. In: Dostoevskii FM. *Brat'ya Karamazovy* [Brothers Karamazov]. Collected works in 15 vol. Leningrad: Nauka; Leningradskoe otdelenie; 1991. Vol. 9. P. 607–18.]
3. Долинин АА. Послесловие. В кн.: Ф.М. Достоевский. Братья Карамазовы. Собрание сочинений в 15 томах. Т. 9. Ленинград: Наука; Ленинградское отделение; 1991. С. 627–30. [Dolinin AA. Epilogue. In: Dostoevskii FM. *Brat'ya Karamazovy* [Brothers Karamazov]. Collected works in 15 vol. Leningrad: Nauka; Leningradskoe otdelenie; 1991. Vol. 9. P. 627–30.]
4. Рюриков БС. Послесловие. В кн.: Ф.М. Достоевский. Братья Карамазовы. Москва: Современник; 1981. С. 512–39. [Ryurikov BS. Epilogue. In: Dostoevskii FM. *Brat'ya Karamazovy* [Brothers Karamazov]. Moscow: Sovremennik; 1981. P. 512–39.]
5. Фридлиндер ГМ. Послесловие. В кн.: Ф.М. Достоевский. Братья Карамазовы. Собрание сочинений в 15 томах. Т. 9. Ленинград: Наука; Ленинградское отделение; 1991. С. 574–589; 604–7. [Fridlender GM. Epilogue. In: Dostoevskii FM. *Brat'ya Karamazovy* [Brothers Karamazov]. Collected works in 15 vol. Leningrad: Nauka; Leningradskoe otdelenie; 1991. Vol. 9. P. 574–589; 604–7.]
6. Фридлиндер ГМ, Кипко ЕИ. Послесловие. В кн.: Ф.М. Достоевский. Братья Карамазовы. Собрание сочинений в 15 томах. Т. 9. Ленинград: Наука; Ленинградское отделение; 1991. С. 589–604. [Fridlender GM, Kipko EI. Epilogue. In: Dostoevskii FM. *Brat'ya Karamazovy* [Brothers Karamazov]. Collected works in 15 vol. Leningrad: Nauka; Leningradskoe otdelenie; 1991. Vol. 9. P. 589–604.]
7. Муратов ВА. Типы вырождения в «Братьях Карамазовых» Достоевского. Отчеты о заседаниях общества невропатологии и психиатрии при Московском университете за 1897–1898; 1898–1899; 1899–1900. Типоитография Г.И. Простакова; 1901. С. 210–211. [Muratov VA. Degeneration types in «Brothers Karamazov» of Dostoyevsky. *Otchet'y o zasedaniyakh obshchestva nevropatologii i psikhiiatrii pri Moskovskom universitete za 1897–1898; 1898–1899; 1899–1900* [Reports on meetings of society of neuropathology and psychiatry at the Moscow university for 1897–1898; 1898–1899; 1899–1900]. Tipolitografiya G.I. Prostakova; 1901. P. 210–211.]
8. Достоевский ФМ. Братья Карамазовы. Собрание сочинений в 15 томах. Т. 9. Ленинград: Наука; Ленинградское отделение; 1991. С. 570. [Dostoevskii FM. *Brat'ya Karamazovy* [Brothers Karamazov]. Collected works in 15 vol. Leningrad: Nauka; Leningradskoe otdelenie; 1991. Vol. 9. P. 570.]
9. Дубинин АМ. Об интеллектуальной недостаточности психопатов. Труды Института им. П.Б. Ганнушкина. Москва: Изд-во Науч.-исслед. невропсихиатрического ин-та им. Ганнушкина; 1939;(3):267–77. [Dubinin AM. *About intellectual insufficiency of psychopaths. Trudy Instituta im. P.B. Gannushkina* [Institute works of P. B. Gannushkin]. Moscow: Izd-vo nauch.-issled. nevropsikhiatricheskogo in-ta im. Gannushkina; 1939;(3):267–77.]
10. Гульдман ВВ. Вопросы мотивации общественно-опасных действий при психопатиях. В кн.: Психопатии и психопатоподобные состояния в судебно-психиатрической практике. Москва: Всесоюз. науч.-исслед. ин-т общей и судебной психиатрии им. В.П. Сербского; 1982. С. 23–9. [Gul'dan VV. Questions of motivation of public and dangerous actions at the psychopatiyakh. In: *Psikhopatii i psikhopatopodobnye sostoyaniya v sudebno-psikhiatricheskoi praktike* [Psychopatiya and psikhopatopodobny states in forensic-psychiatric practice]. Moscow: Vsesoyuz. nauch.-issled. in-t obshchei i sudebnoi psikhiiatrii im. V.P. Serbskogo; 1982. P. 23–9.]
11. Леонгард К. Акцентуированные личности. Киев: Высшая школа; 1981. 392 с. [Leongard K. *Aktsentuirovannyye lichnosti* [Aktsentuirovanny persons]. Kiev: Vysshaya shkola; 1981. 392 p.]
12. Ганнушкин ПБ. Избранные труды. Москва: Медицина; 1964. С. 170–1. [Gannushkin PB. *Izbrannyye Trudy* [Chosen works]. Moscow: Meditsina; 1964. P. 170–1.]
13. Гроссман ЛП. Достоевский. Изд. 2-е. Москва: Молодая гвардия; 1965. 606 с. [Grossman LP. *Dostoevskii*. 2nd ed. Moscow: Molodaya gvardiya; 1965. 606 p.]
14. Достоевский ФМ. Братья Карамазовы. Москва: Современник; 1981. 542 с. [Dostoevskii FM. *Brat'ya Karamazovy* [Brothers Karamazov]. Moscow: Sovremennik; 1981. 542 p.]
15. Нечипоренко ВВ, Шамрей ВК. Суицидология: вопросы клиники, диагностики и профилактики. Санкт-Петербург: ВМА им. С.М. Кирова; 2007. 528 с. [Nechiporenko VV, Shamrei VK. *Suitsidologiya: voprosy kliniki, diagnostiki i profilaktiki* [Suicidology: questions of clinic, diagnostics and prevention]. St-Petersburg: VMA im. S.M. Kirova; 2007. 528 p.]
16. Достоевский ФМ. Бесы. Ф.М. Достоевский. Собрание сочинений в 15 томах. Т. 7. Ленинград: Наука; Ленинградское отделение; 1990. 848 с. [Dostoevskii FM. *Besy* [Demons]. Dostoevskii FM. Collected works in 15 vol. Leningrad: Nauka; Leningradskoe otdelenie; 1991. Vol. 7. 848 p.]
17. Блуменау ЛВ. Истерия и ее патогенез. Ленинград: Изд-во П.П. Сойкина; 1926. 77 с. [Blumenau LV. *Isteriya i ee patogenez* [Hysteria and it patogenez]. Leningrad: Izd-vo P.P. Soikina; 1926. 77 p.]
18. Мифы народов мира. Энциклопедия. В 2 т. Т. 1. Москва: Советская энциклопедия; 1980. С. 210. [Mify narodov mira [Myths of people of the world]. Encyclopedia. In 2 vol. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya; 1980. Vol. 1. P. 210.]
19. Кречмер Э. Об истерии. Пер. с нем. Санкт-Петербург; 1996. 130 с. [Krechmer E. *Ob isterii* [About hysteria]. Translation from German. St-Petersburg; 1996. 130 p.]

Исследование не имело спонсорской поддержки. Авторы несут полную ответственность за предоставление окончательной версии рукописи в печать. Все авторы принимали участие в разработке концепции статьи и написании рукописи. Окончательная версия рукописи была одобрена всеми авторами.

Журнал представлен в Научной электронной библиотеке <http://www.elibrary.ru>

в Научной электронной библиотеке «Киберленинка»: <http://cyberleninka.ru>

на сайте издательства: <http://nnp.ima-press.net>